

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЕЗ МИРА

Зинаида Гиппиус

Без мира

«Public Domain»

1907

Гиппиус З. Н.

Без мира / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1907

«Мне думалось сначала написать о двух московских сборниках, вышедших почти одновременно: «Свободная Совесть» (вып. II) и «Вопросы религии». Но я, кажется, напишу только о втором. И во втором-то многое мне непонятно; самый же смысл существования первого, «Свободной Совести», – его живое лицо, – окончательно от меня ускользает. Пришлось бы утверждать, что ни смысла, ни живого лица у этого сборника нет; а я этого не хочу. Я знаю многих участников его, как людей талантливых и значительных; если данные их статьи и не из лучших – то это еще ничего не значит...»

© Гиппиус З. Н., 1907

© Public Domain, 1907

Зинаида Гиппиус Без мира

Мне думалось сначала написать о двух московских сборниках, вышедших почти одновременно: «Свободная Совесть» (вып. II) и «Вопросы религии». Но я, кажется, напишу только о втором. И во втором-то многое мне непонятно; самый же смысл существования первого, «Свободной Совести», – его живое лицо, – окончательно от меня ускользает. Пришлось бы утверждать, что ни смысла, ни живого лица у этого сборника нет; а я этого не хочу. Я знаю многих участников его, как людей талантливых и значительных; если данные их статьи и не из лучших – то это еще ничего не значит. Я смысла соединения их, в одной тяжелой книжке под одной серой обложкой «Свободной Совести» не понимаю, – и лучше не буду никого судить, оставляя это на совести участников. Может быть, С. Соловьев и А. Белый знают, где и чем их произведения связаны с длинной дамской повестью о храбром генерале, любящем розы, о его героической дочери, защищавшей крепость во время усмирения Кавказа и поддерживавшей честь полка; я этой связи не вижу и лгать не хочу, что вижу. Не вижу в «сборнике», в его факте – никакого «дела», ничего «общего». Оттого и не могу ничего писать.

«Вопросы религии»... это прежде всего действительно сборник, собрание людей, связанных между собой одной нитью. Если не одним пониманием (это мы сейчас увидим, одним ли пониманием они связаны), – то, во всяком случае, одним... словом. Слово это – христианство. В кратком предисловии сборника сказано, что «отдельные статьи внутренне будут объединяться общностью христианского мировоззрения». И добавлено: «но, при этом, авторам предоставляется полная свобода для выражения индивидуальных мнений и даже разногласий по вопросам второстепенной важности». Общность «христианского» (то есть одного и очень определенного) мировоззрения (то есть миропонимания, всепонимания) – вот чем связаны участники сборника, как они думают.

Действительно, при такой крепкой связи, такой всеохватывающей общности, не страшны частные, личные разногласия. Но что называют участники сборника вопросами второстепенной важности? Вопросы о насилии, об аскетизме, об устройении общественной жизни, ее идеале и завтрашней практике по пути устремления к идеалу – что это, важные или неважные вопросы? Должны ли они решаться, или хоть ставиться, не разногласно у людей одного и того же миропонимания? Или они столь второстепенны, а круг «христианского миропонимания» так узок, что вопросы эти, естественно, решаются индивидуально, каждый по-своему, за чертой?

Нет, конечно, нет. Авторы сборника «Вопросы религии» – люди глубокие, талантливые и – это главное! – искренние. Они искренно убеждены, что вопросы эти не второстепенны. Они искренно верят, что объединены для решения вопросов христианством и что христианство есть известное понимание мира. Они это говорят – и я верю, что они так верят. Верю в веру – но не в факт. Потому что если б объединяло их не слово «христианство», а одно и то же миропонимание, один и тот же взор на жизнь и мир, одно и то же его ощущение и восприятие, – не было бы в сборнике таких одиноких, одиноко мучающихся людей, ставящих самые важные, самые глубокие человеческие вопросы и одиноко, различно, по-христиански – но по-своему, только по-своему, их разрешающие.

Книга начинается статьей В. Свенцицкого: «Христианские отношения к власти и насилию», а кончается Булгаковым: «Церковь и социальный вопрос». Весь сборник посвящен отношению христианства к общественности; слишком ясно, что для авторов это не второстепенное нечто, а самое главное, самое важное; тут-то и жаждут они единодействия, веря в свое единомыслие. Булгаков последнее время пишет почти исключительно о созидании устоев для «христианской общественности». Он верит в нее мягко, трепетно, оптимистически, нежно,

любовно; ему кажется, что вот-вот, еще немного, – и она уже тут, уже все есть. Он почти прав, потому что в своей, очень христианской, мягкости ему немного и нужно. Церковь христианская, в частности, православная, истинная во всем и вечная, – в данный момент истории еще чего-то не поняла, еще держится, внешними своими проявлениями, за самодержавие, – но она поймет, вот сейчас поймет, и все будет хорошо. И добрые, прогрессивные священники будут служить в храмах, – окруженных «внешним двором» – миром, «христианской» мирной жизнью, государством, – конечно, самым тоже «христианским», на социальных началах. Это будущее христианское устройство Булгаков представляет себе непременно с «внешним двором», много раз настаивает на «внешнем дворе». Выражение он взял «от писаний»: он любит тексты, особенно из апостолов, но на этот раз он взял Апокалипсис. И неудачно. Ибо там говорится: «... а внешний двор храма исключи и не измеряй его; ибо он дан язычникам: они будут попира́ть святой город сорок два месяца».

В самом деле, какая же христианская общественная жизнь с «внешними дворами» и внутренними притворами? Но что делать, Булгаков истинно-христиански мягок. И в сборнике он доводит, последовательно, мягкую ширину свою до полного разъединения, даже до противоположения Церкви Жизни, устраняя в жизни всякое действие, делание, всякий реальный шаг. Действие его заключается лишь в «религиозном пропитывании» того положения, в котором христианское сознание тебя застало. Если ты фабрикант, если ты чиновник, если ты офицер, прими это без протеста, не ломай – «оставайся в том звании, в каком призван», приводит Булгаков цитату из послания и добавляет: только пропитывай дело свое христианским духом. Дальше в терпимости, кажется, нельзя идти. Сам автор оговаривается: «В таком отношении иные усмотрят „оппортунизм и приспособляемость“...» Он хочет отклонить от себя это обвинение, не изменяя, однако, высказанному. О, конечно, это не «оппортунизм», не «ленивое, холодное, боязливое» отношение к делу. Это только искренний, свой, взгляд на мир и сообразно своему темпераменту принятое слово «христианство». Это нисколько не мешает Булгакову искренно (лично и уединенно) верить во Христа. В этом смысле Булгаков, несомненно, был и остается христианином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.